

Наши Поздравления

Поздравляем с юбилеем!

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-12-140-146

Personalia

Слово о Дубровском, к 90-летию со дня рождения

В.Н. Шевченко

Институт философии РАН, Москва, Россия

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vladshevchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8307-4915>

Для цитирования: Шевченко В.Н. (2020) Слово о Дубровском, к 90-летию со дня рождения // Философские науки. 2019. Т. 62. № 12. С. 140–146. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-12-140-146

The Essay about Professor Dubrovsky, Dedicated to the 90th Anniversary of His Birth

V.N. Shevchenko

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir N. Shevchenko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Main Researcher at the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vladshevchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8307-4915>

For citation: Shevchenko V.N. (2019) The Essay about Professor Dubrovsky, Dedicated to the 90th Anniversary of His Birth. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 12, pp. 140–146. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-12-140-146

В 1971 г. мы почти одновременно стали работать в редакции журнала «Философские науки», и наша совместная работа, почти ежедневное общение продолжались почти двадцать лет. В конце 80-х гг. мы покинули редакцию журнала с тем, чтобы потом через несколько лет встретиться уже в стенах Института философии. Так что нашей встрече и нашей дружбе скоро исполнится полвека. Жизнь очень быстротечна и всегда

не хватает времени на решение неотложных дел — они накатываются на тебя постоянно, как волна за волной, но иногда приходится как бы остановить бег времени и оглянуться назад. Таким поводом поразмышлять над тем, какие встречи в жизни явились для тебя знаковыми, как принято сейчас говорить, и послужило для меня 90-летие со дня рождения Давида Израилевича Дубровского.

В последние годы я все пытаюсь осмыслить один очень распространенный феномен в нашей отечественной философской жизни: как становится философом, как складывается судьба философа, если он не принадлежит к определенной школе, если он не сформирован ею, не выращен в ее рамках. А с самого начала своей, условно говоря, философской карьеры он начинает искать свой особый путь, начинает, буквально в одиночку, сражаться за право свободно выражать свою точку зрения, выступать против устаревших штампов и представлений, испытывая удары судьбы, нередко несправедливые и умело подстроенные.

У меня сложилось устойчивое представление о том, что в рамках философской школы, сложившейся традиции философских исследований действительно вырастают профессионально подготовленные ученые. Это правило хорошо работает в сфере историко-философских исследований. Историк философии представляет собой особый тип философа. Работа над текстами и рукописями требует весьма специфического мастерства и выучки, профессионализма, и вне философской школы исследователь рискует остаться незамеченной одиночкой. Редкие исключения лишь подтверждают это правило. Другое дело, когда речь заходит о философах, которые начинают ставить современные проблемы науки или общественного развития и пытаются найти пути к их решению. Если посмотреть на философское сообщество «проблемников», то сплошь и рядом это философы-одиночки. Получить профессиональную университетскую подготовку — это одно, да и то не всегда имеется философская подготовка у многих очень крупных и широко известных отечественных философов. Они приходят в философию, как правило, в поисках фундаментальных ответов на проблемы, возникшие в той или иной конкретно-научной сфере, в которой они и получили свое высшее образование.

С самого начала нужно иметь философское воображение и человеческую смелость, чтобы заговорить вслух о такой философской проблеме, которую толком еще никто теоретически не осмысливал. В том, как ее правильно поставить, любая школа мало чем поможет. Так что проблемный взгляд на современный мир — это не просто показатель качественного уровня профессии, это философское призвание, которое сродни поэтическому или художественному. Оригинальность ситуации состоит также и в том, что видение философской проблемы должно четко соотноситься с пониманием того, что философский поиск не

тождествен поиску научной истины, но он должен, видимо, отвечать всем или большинству требований научной доказательности.

Все, что сказано выше, плод моих размышлений над тем, какой он, Дубровский, как философ, каким он показал себя в течение всей своей более чем 60-летней деятельности.

Первые серьезные испытания ждали Дубровского в связи с защитой докторской диссертации. Совершенно уникальный случай, когда диссертацию пришлось защищать трижды в Ростовском госуниверситете в 1968 г., а четвертый раз еще на заседании Высшей аттестационной комиссии в 1969 г.

Дубровский вскоре решил на переезд в Москву, но все поиски работы были тщетными, он даже подумывал о том, чтобы пойти работать грузчиком, но спас случай. Его познакомили с В.С. Готтом, только что ставшим главным редактором журнала «Философские науки», которому и удалось устроить его на работу в редакцию журнала в должности зав. отделом.

Что больше всего запомнилось, говоря о 70–80-х гг. нашей совместной работы? Идеи Д.И. Дубровского получают широкую известность. Содержание дискуссии между Ильенковым и Дубровским, состоявшейся в конце 60-х гг. прошлого века на страницах журнала «Вопросы философии», стало надолго предметом обсуждения широкой философской общественности страны. Трудно поставить рядом в те времена другую подобного рода дискуссию. Он продолжает энергично защищать и развивать свою точку зрения.

Дубровский настаивает на том, что употребление понятия идеального в смысле «совершенного», «идеала» выражает его частное значение. Взятая в общем виде проблема идеального имеет своим специфическим объектом именно субъективную реальность как персональную целостность «Я» и как всякое отдельное, дискретизированное, явление – в единстве рефлексивного и арефлексивного, актуального и диспозиционального. Именно качество субъективной реальности как «текущее настоящее» удостоверяет существование личности и ее деятельную способность. И второй существенный аспект позиции Дубровского – информационная концепция субъективной реальности и ее связь с мозговыми процессами. Эта концепция разрабатывалась им в течение многих десятилетий и тесно связана с обсуждением современной проблемы расшифровки мозговых нейродинамических кодов психических явлений.

У Дубровского были свои защитники и не менее жесткие критики. К сожалению, однако, никто из его многочисленных оппонентов (большой частью сторонников Э.В. Ильенкова) не вступил в серьезную дискуссию с Дубровским, ограничиваясь отдельными, нередко высокомерными критическими выпадами и обвинениями идеологического плана. Создается впечатление, что никто внимательно не прочел его

книги, ибо оппоненты (включая и тех, кто был настроен доброжелательно) не касались аргументации, не упоминали даже самые важные положения и выводы, в том числе и те, которые могли бы оказаться наиболее уязвимыми. Вспоминается разгромная критика Д.И. Дубровского в главном идеологическом органе ЦК КПСС – журнале «Коммунист». Публикации, посвященные в основном информационному подходу к проблеме идеального, подверглись решительному осуждению: «Так, фраза за фразой автор в своих софистических рассуждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественно-научный, но общественно-политический аспект...»¹, «тут претензия на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций»².

Дискуссия Ильенков – Дубровский фактически не имела продолжения, поскольку Дубровский высказал такой неожиданный взгляд на природу идеального, что философское сообщество оказалось не готовым спорить и обсуждать его концепцию по существу. И до сих пор нет серьезного продвижения в аргументации его противников. А дело вот в чем. Дубровский убежден в том, что надо четко различать классическую психофизическую проблему – философскую по своей сути – и современную психофизиологическую проблему, сердцевина которой состоит в вопросе об отношении качества субъективной реальности к мозговым процессам. Последняя является научной проблемой, допускающей теоретическое решение, которое опирается на мощный эмпирический базис. Дубровский обращается к изучению и обобщению огромного фактического материала, накопленного такими научными дисциплинами, как психология, нейрофизиология, психиатрия, кибернетика, рядом гуманитарных дисциплин. Философские принципы и установки играют незаменимую роль в разработке научной проблемы «сознание и мозг», однако существующее философское понимание сознания остается нечувствительным к огромному опытному материалу. В отечественной философии общеприняты и широко распространены, по его мнению, такого рода концепции сознания, которые устраняют его главное специфическое свойство, сводят его к «когнитивному содержанию». Эта ситуация поддерживается правдоподобными клише, освященными авторитетами, массивным тиражированием, клановой солидарностью и, конечно, взаимной амнистией по части допускаемой неопределенности и логической непоследовательности. Так писал Дубровский в 70–80-е гг. прошлого века.

¹ Дубинин Н.П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 72.

² Там же. С. 73.

А вот что он пишет в начале XXI в.: «На мой взгляд, за последние двадцать лет в мировой, в том числе отечественной, философской литературе по данной проблематике не отмечается серьезных концептуальных новаций. Более того, наблюдается заметное снижение интереса к общетеоретическим вопросам исследования психики, сознания, духовной деятельности, наблюдается если не падение, то, по крайней мере, ослабление веры в продуктивность основательных теоретических построений в этой области»³.

Дубровский сетует не на то, что он много раз подвергался критике. Это в порядке вещей. Но это была поверхностная критика, основанная на комментировании отдельных, вырванных из текста цитат. Ведь вопрос не в том, чтобы иметь возможность известному философу высказать в печати или на конференции свою точку зрения. Как важно еще получить признание и поддержку со стороны научной общественности. Многие искренне уважают многолетний труд Дубровского, но ведь никто серьезно не занялся анализом его аргументации. Получается, к сожалению, что судьба идей Дубровского повторяет во многом судьбы других талантливых людей, которые оставались всю жизнь одиночками, не чьими-то учениками, не членами невидимой, но реально существующей группы ученых, связанных между собой жесткими корпоративными правилами и этикой. Оставались честными, принципиальными учеными, не умеющими и не желающими сдавать свои позиции под напором бесчестной и бездоказательной критики или откровенного замалчивания их идей. Но Дубровский озабочен не только защитой и продвижением своих идей. Сколько ныне известных ученых сохраняют в своих сердцах благодарность ему за помощь и поддержку в трудные, решающие моменты их научной карьеры!

В одной из своих последних публикаций Дубровский подробно разбирает книгу В.В. Васильева «Трудная проблема сознания». И вот какая интересная ситуация раскрывается после чтения рецензии Дубровского. Он пишет, что книга В.В. Васильева содержит обширный, наиболее репрезентативный в отечественной философской литературе материал по главным вопросам дискуссий в современной аналитической философии; ее библиография насчитывает более 300 англоязычных источников. В этом ее несомненная ценность для всех, кто интересуется проблемой «сознание и мозг». «Недостатком книги является то, что В.В. Васильев игнорирует работы своих отечественных коллег, которые основательно занимаются проблемой “сознание и мозг” (А.Ю. Алексеев, С.Ф. Нагуманова, Н.С. Юлина и др.); публикации ряда

³ Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. С. 8.

из них не приведены даже в общем списке литературы»⁴. Автор оставил без внимания не только три статьи Д.И. Дубровского, специально посвященные критическому анализу концепций главных фигурантов его книги – Дж. Серла, Д. Деннета и Д. Чалмерса, но и пять его книг. Автор, претендующий на собственное решение проблемы «сознание и мозг», обязан был рассмотреть и подвергнуть основательной критике альтернативную концепцию своего коллеги. Вместо этого он только в одном месте своей книги, и к тому же лишь в разделе примечаний, высказывает в нескольких строчках свои сомнения по поводу трактовки информационной причинности. Между прочим, концепция Дубровского, основанная на информационном подходе, противопоставляется основным концепциям аналитической философии. И Дубровский справедливо замечает, что «всякая авторская концепция должна пройти тщательный критический анализ. Каждый из нас остро нуждается в серьезном оппоненте. Я ожидал встретить его в лице такого эрудированного специалиста, как В.В. Васильев. К сожалению, этого не случилось»⁵.

В этой связи хотелось бы сказать следующее. В масштабах нашего общества идет тихий, незаметный, но все более набирающий силу процесс поглощения или утопления отечественной философии западной философией. Выше была рассмотрена типичная схема, по которой идет этот процесс. В.В. Васильев, рассмотрев работы наиболее видных представителей аналитической школы – Дж. Серла, Д. Деннета, Д. Чалмерса, создает свою оригинальную концепцию «сознание и мозг». При этом работы отечественных философов не принимаются в расчет, хотя, к примеру, Дубровского нельзя упрекнуть в незнании аналитической философии ни с точки зрения библиографии, ни содержания. Однажды в Институте философии выступил один известный английский философ, который заявил собравшимся, что им в Англии не интересно, чем занимаются российские философы, им интересно, как относятся к их работам в России. Получается так, что мы внимательно изучаем многочисленные западные школы и направления. В результате вполне сложилось огромное философское пространство, в котором присутствуют все главные философские школы Запада (разумеется, и не только Запада). Как утверждает автор одной из солидных отечественных работ последнего времени, «идеология» западной философии, возводящая в норму проверяемое, доказуемое на мировом уровне осуществляемое и транслируемое философское исследование, отвечает внутреннему характеру, специфике философии как особой формы

⁴ Дубровский Д.И. «Трудная» проблема сознания (в связи с книгой В.В. Васильева «Трудная проблема сознания») // Вопросы философии. 2011. № 9.

⁵ Там же.

культуры. Отечественные философы начали энергично создавать свои собственные концепции, опираясь на достижения западных школ, а работы отечественных авторов так или иначе маргинализируются, отодвигаются в сторону как нечто второстепенное, малозначимое. Хотя могу сказать, что работы Дубровского по проблематике «сознание и мозг» не уступают по своему уровню исследованиям лучших представителей аналитической философии. Но это не самое главное. Отечественные философы весьма профессионально, ничего здесь не скажешь, изучают западные философские школы и направления, их охотно приглашают на Запад. Все это можно принять и приветствовать при одном условии: если эта деятельность не идет в ущерб отечественной философии. Мне кажется, что сегодня следует говорить в нашем обществе о философском суверенитете, о том, что отечественная, российская (русская) философия сегодня имеет все возможности развиваться как целостное явление, представляя собой внутреннюю и самую глубокую духовную основу российской (русской) цивилизации. И если российская цивилизация имеет свои собственные духовно-нравственные основания, как, например, китайская, арабская или индийская цивилизации, то к каким положительным результатам может привести некритическое заимствование «идеологии» западной философии, ее норм и принципов? Только к признанию отсталости российской (русской) философии в сравнении с западной. В ней, как оказывается в таком случае, и заключено все своеобразие русской философии.

Конечно, придет время, и концепция Д.И. Дубровского станет предметом самых разных серьезных дискуссий и обсуждений. Главное, чтобы они состоялись. И я пытался показать, что автор вот уже много лет и десятилетий ждет этих встреч со своими сторонниками и противниками. Пожалуй, самое обидное для человека творческого – это то, что его творения не замечают, не удостаивают внимания. Но у Дубровского есть одно замечательное качество. Он был на фронте, и с тех пор его отличает особое мировоззрение, присущее людям, прошедшим через Великую Отечественную, – мировоззрение человека-победителя. Он сделал много, очень много для одного философа, и мы уверены, что его труды будут оценены по достоинству и получат заслуженное признание.

Дорогой Давид Израилевич! Поздравляю с юбилеем!

Юбилей для тебя всего лишь повод, чтобы поставить перед собой новые еще более масштабные и значимые задачи.

Так держать, Давид!